

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3-801-815

EDN: UYHYFM

В поисках империи: подходы к определению понятия в современном научном дискурсе*

И.В. Троцук

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия

(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru)

Аннотация. На первый взгляд понятие империи кажется предельно прозрачным: со школьной скамьи мы учимся воспринимать историческое прошлое через хронологическую смену и жизненные циклы империй. Как правило, обыденные трактовки связывают понятие империи с чем-то огромным, могущественным и богатым во всех смыслах словах — отсюда множество метафорических отсылок к «империи» в маркетинговых целях (в названиях питейных и торговых заведений), однако не отличаются детализированными дефинициями и словарные трактовки [8; 33; 35; 75]. Учитывая возрастающую популярность предельно широких историко-политических понятий (например, возрождение междисциплинарного интереса к «цивилизации» [2; 5; 30; 31; 37; 71]), следует прояснить основные интерпретации понятия «империя», тем более что для социологии это не инородный концепт [4; 74; 80]. Признавая обозначенные в литературе проблемы определения империи (масса фактического материала, который сложно обобщить, множество нюансов значений, споры представителей соперничающих теорий, путаница между дефиницией и типологией, лингвистическая двусмысленность и др. [66]), попробуем все же структурировать это вязкое понятийное поле. Для этого предложено несколько возможных решений: во-первых, поиск «типологических синдромов» в выдаче поисковых систем по запросу «определение империи» — просматриваются четыре расширенные и пересекающиеся трактовки (историко-филологическая, историко-(гео) политическая, критически-культурологическая и философско-катехонная). Во-вторых, количественный контент-анализ словарных толкований империи по результатам поисковой выдачи на словарном портале «Академик» — просматриваются пять наиболее частотных трактовок (в переносном значении; часть названия государств прошлого; содержательные определения через перечисление атрибутов империи как особой формы государственного устройства; монархическая или императорская власть; имя нарицательное). В-третьих, обращение к экспертному дискурсу: был проведен качественный контент-анализ публикаций в журнале «Ab Imperio», специализирующемся на развитии методологии изучения империи, — выделены основные концептуальные положения и категории современно-го «импероведения» (новая имперская история, имперский опыт, имперская риторика, им-

---

*© Троцук И.В., 2026

Статья поступила в редакцию 10.06.2026. Статья принята к публикации 25.08.2026.

перский хронотоп, имперская биография, имперская ситуация, постимперия и др.). Сделан вывод о противоборстве двух условных подходов — универсалистски-объективирующего и дискурсивно-контекстуального, но в целом исследовательский фокус смещается с попыток построения гранд-теорий или типологий к анализу имперского опыта в контексте критического восприятия любого социального порядка и его самопрезентаций.

Ключевые слова: империя; обыденные трактовки и научный дискурс; имперский опыт; имперское прошлое; имперская риторика; имперская политика; имперское восприятие; количественный и качественный контент-анализ; новая имперская история

Для цитирования: Троцук И.В. В поисках империи: подходы к определению понятия в современном научном дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 3. С. 801–815. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-801-815> EDN: UYNYFM

Любые попытки сформировать общий массив трактовок империи с помощью онлайн-поисковиков бессмысленны, но если конкретизировать запрос до «определения империи», то в выдаче начинают просматриваться «типологические синдромы», если сосредоточиться на аналитических материалах (разной тематики и качества). Во-первых, *историко-филологическая трактовка*: слово «империя» имеет римское происхождение, несет на себе «явный отпечаток римской истории» и в российском бытовании связано с двумя ассоциативными рядами — «тюрьма народов и беспросветный гнет правящей верхушки, которая давит всякое проявление свободы-мыслия» и «русские орлы на альпийских высотах и за Балканами у стен Константинополя, дворцы Растрелли и Росси, стихи Пушкина и музыка Глинки» [42]. Согласно историко-филологическим изысканиям изначально *imperium* не противостоял *respublica* как тип политического устройства, но был более многозначным (государство, держава, власть и конкретные полномочия). Впоследствии в основных европейских языках заимствования, восходящие к *imperium*, разводили империю как власть в широком смысле и императора как обозначение главы имперских наследниц Рима; подразумевали под империей страну, не имеющую над собой другого верховного владыки (самодержавие) или колониальную державу; значительно позже оформилась идея национальной империи.

Во-вторых, *историко-(гео) политическая трактовка*, нередко связанная с поисками ответа на вопрос, можно ли считать современную Россию империей: положительный ответ основан на дефиниции империи как «долгого государства» и «стратегического единства (национального) многообразия», которые «не требуют подбора исторических аналогов» для легитимации [38]. В подобного рода публикациях встречаются ссылки на определение К. Шмиттом империи как «технического термина» — обозначения традиционной (до модерна) формы государства без унификации и унитаризма, а иногда и без императора. Такая трактовка близка российским «государственникам», которые противопоставляют запад-

ноевропейскую искусственную «империю порабощения» российской естественно-исторической империи «проекта» (великой державы, полиэтнического многоконфессионального государства с сильной центральной властью и разнообразной культурой) [45].

Такая трактовка подчеркивает и специфику ряда имперских проектов — нынешнего западноевропейского (Евросоюз как империя нового типа [56]), Российской империи и СССР как особого типа государства с чертами, в чем-то повторяющихся у других империй, а в чем-то уникальных. Атрибуты этого особого типа — «максимизация территориального расширения ради экономических и политических интересов» (мирная или военная гомогенизация населения и/или территории), «построение закрытой для внешнего мира самодостаточной экономической и общественной жизни», «представление в национальном самосознании о наличии у страны особой миссии», «обязательность сакральной фигуры императора-вождя, наделенного всеобъемлющей властью, и под его мировидение строятся и перестраиваются государственные институты — инструменты реализации его воли», «гражданственность как качество населения невозможна, так как не имеет экономических, политических, правовых, культурных основ... право — инструмент воли самодержца и государственной бюрократии», «отдельный человек рассматривается как мелкая деталь большого механизма, его личностные особенности и интересы игнорируются» [48]. Список «принципиальных позиций имперской политики России» может выглядеть и более позитивно: «русские власти официально ставили все народы в одинаковое правовое положение перед законом — Россия являлась империей без имперской нации», «отсутствовало жесткое противопоставление подданных по религиозному признаку», «в ходе освоения новых территорий власть стремилась к ассимиляции не только народов, но и их элит», «традиционно отсутствовал национализм... и дискриминация народов... в России невозможно выделить метрополию, которая бы эксплуатировала периферию» [32].

Историко-(гео) политическая трактовка выделяет следующие «индикаторы» империи: «сверхдержава с сильной централизованной, чаще всего монархической, властью, ярко выраженными экспансионистскими устремлениями и мультиэтническим составом населения, находящимся на разных стадиях и уровнях развития, с достаточно четко выраженным комплексом имперских идейных концепций и имперским сознанием, присущим, прежде всего, правящим верхам». По крайней мере «к середине XIX века Российская империя вполне удовлетворяла этим определениям» [32] как «смешанный тип империи» [56], а началось ее строительство «при Петре... однако форма правления и существо власти от этого несколько не изменились: власть по-прежнему пребывала неограниченной, сосредоточиваясь в руках монарха, но зато получила теоретическое освещение и ясное вы-

ражение в законе... под влиянием тогдашней европейской государственно-правовой философии» [29]. «В XX веке прекратили существование все империи, включая не только советскую, но даже и российскую, пришедшую ей на смену» [36; 72].

Однако далеко не все разделяют точку зрения, что в мире не осталось империй. Критики этой позиции считают ее избыточно политизированной (в политике и историографии империя либо «наша», либо «вредная»): «идея, что у империи как формы политической организации случился какой-то закат... совершенно ложная. Империя изменилась, но никуда не делась, мы все также живем с империями и, судя по всему, будем жить с ними... Империя — доминирующая форма политической организации эпохи модернизма. Когда говорят, что адекватная форма политической организации — это национальные государства, врут. Это придумка национализирующихся историографий... Определений империи много, никакого консенсуса нет. Это естественно: империи живут долго, они меняются во времени» [46; 56].

В-третьих, *критически-культурологическая трактовка* империи как социокультурного феномена, а не только политико-экономического и политико-стратегического, и здесь обнаруживается существенное различие в подходах российских и зарубежных авторов. Первые «отталкиваются от представления о некой ценностно обоснованной общеимперской норме, которая оказывается как бы “предзаданной”, имеющей определенную онтологическую базу»; вторые «концентрируют внимание на субъективно-психологических моментах имперского строительства — проблемах восприятия, мотивации, протекании межэтнических контактов»; однако фундамент обоих подходов — «собственный имперский опыт (или память о нем), а он у разных народов неодинаков» [41]. У западных стран этот опыт имеет преимущественно колониальный характер — отсюда задача изучения корреляции культурной традиции народа и его имперской программы, а также столкновения двух или более культур, т.е. колониальной ситуации [58; 59].

Российская традиция воспринимает империю не как «продукт особого взаимодействия между силами и институтами метрополии и периферии», а как «сложноорганизованную универсальную систему... для империи центральными оказываются функции интеграции... избавление огромного конгломерата разнородных этнических и конфессиональных единиц от тягостной локальной ограниченности и местничества, от взаимных распрей и междоусобиц... общими универсализирующими нормативными принципами и ценностными ориентациями» [41]. В то же время западный и российский подходы взаимодополнительны: первый сосредоточен на миссионерском и коммерческом империализме, второй — на культурно-детерминированной экспансии (большая онтологичность, меньше экономических обоснований, больше религиозных), поэтому СССР во многом напоминал модернизирующиеся империи [69].

В рамках критико-культурологической трактовки просматриваются и возможности эмпирического анализа «имперского сознания» посредством опросов общественного мнения: «в современном обиходе слово “империя” обладает сложной семантикой, поскольку в различных контекстах... для различных социальных групп имеет не только разное смысловое наполнение, но и несовпадающую ценностную окраску. Конфликт между позитивным и негативным восприятием определения своей страны как империи — это современный этап развития внутреннего конфликта российской политической культуры и культуры вообще... Имперское тело при любой природе и любой жесткости внешних скреп остается гетерогенным, с зонами неожиданных культурных комбинаций и возможностей» [39].

В-четвертых, *философско-катехонное противопоставление «империи злой» и «империи духовной»*, основанное на идее, что главный «признак империи не в форме ее внутреннего государственного устройства или в наличии у нее колоний или даже военной мощи, а в чем-то другом» [7] (помимо зрелости и мощи [67]), и это другое — принципиальное отличие империи от державы: «право сильного», угнетение слабых, управляемая анархия, стремление «жить как все» и «служение пользе» — «высшая истина человеков», победа над злом, порядок и прочный мир, стремление «жить в правде» и «служение истине» [70]. Данная трактовка не отрицает объективные принципы «эффективности великой державы и ее государственной власти»: дееспособность и миссия; способность быстро мобилизовать огромные экономические, технологические и информационные ресурсы в военных целях и для реализации больших гражданских проектов; притягательность культурных ценностей и общепризнанное образовательное и культурное превосходство; способность поддерживать внутреннюю жизнеспособность и единство (в том числе за счет своих ресурсов и без больших социальных жертв); конкурентоспособная экономика; готовность «сателлитов» признавать превосходство метрополии и желание их элит относить себя к имперскому истеблишменту; гибкий характер сильной центральной власти; контроль над достигнутым пространством и т.д. Однако «все это должно скрепляться и оправдываться чувством “особой миссии”.., основанной на имперской “цивилизаторской идее” и стремлении национальной политической элиты к величию, трактуемому в целом как “расширение (упрочение) влияния империи” в духе утверждения «империя — это Катехон, удерживающий мир от зла» [44].

Учитывая множественность коннотаций слова «империя» (особенно во внешнеполитическом дискурсе, изобилующем понятиями типа «имперские амбиции», «имперский синдром», «имперские претензии» и пр.), вряд ли можно удовлетворительным способом решить задачу систематизации трактовок империи в научном и научно-публицистическом дискурсах (не говоря уже о более широком употреблении производных понятий). Но можно

пойти двумя простыми путями: *первый* — обращение к portalу «Академик», куда погружено множество *словарей*, по которым осуществляется мгновенный поиск «толкований» вбитого в поисковую строку слова. Для «империи» получаем 13 страниц со 128 результатами из толковых словарей, словарей иностранных слов и синонимов, философской, политической и юридической энциклопедий и пр. [34]. Простейший *контент-анализ* позволяет выделить наиболее частотные упоминания империи:

- конкретные примеры использования слова в переносном значении — 41 упоминание (названия спортивных клубов, отелей, торговых сетей, премий, кинофильмов и книг, компьютерных игр и упоминаемых в них «империй»);
- названия государств прошлого — 38;
- (большое/обширное) государство, состоящее из экономически и политически несамостоятельных территорий (стран или народов), нередко включенных в состав империи путем завоеваний и управляемых из единого центра; унитарное объединение разнородных частей с имперским центром, страной-метрополией, создающей империю и управляющей ею и ее составными частями; мощное многонациональное государство, включившее территории других стран и управляющее ими из единого центра, — 30;
- (преимущественно крупное) государство с монархической формой правления — 23;
- (большое/обширное) государство, во главе которого стоит император или императрица (неограниченный, высший по сану правитель) — 26;
- имена нарицательные («империя зла» и «империя добра», «империя наносит ответный удар», «империя грез», «империя развлечений» и др.) — 18.

Если оставить без внимания маркетингово-завлекательное использование слова «империя» и одобренные научным дискурсом исторические (само)наименования, то «денотатом» империи оказывается большое государство с монархической формой правления (как правило, императорской) и жесткой централизацией власти по линии «центр–периферия», независимо от специфики территориального, национального, этнического или иного состава.

Второй, более сложный, но методически схожий путь — *обращение к «экстремальному кейсу»* (по критерию экспертности) — журналу «Ab Imperio», который специализируется на вопросах новой имперской истории и национализма на постсоветском пространстве и играет особую роль в развитии методологии изучения империи и в тех поисках наиболее корректного способа ее определения, которые в последние десятилетия ведутся в России и на западе в русле нового подхода к «империологии» — «анализу имперских историй и имперской ситуации» (не структур, а практик и дискурсов) [28; 41]. «Проект новой имперской истории заключается в том, что эмпирические исследования, позволяющие делать обобщения, создают методологические основания для анализа комплексных, композитивных и неравномерно организованных (гетерогенных) обществ (пространств), т.е.

империй» [41]. По результатам анализа всех предваряющих практически каждый номер (или ключевую его рубрику) обращений редакторов, а также всех статей в рубриках «Методология и теория» и «АВС: исследования империи и национализма» можно реконструировать следующие теоретико-методологические положения и категории современного «импероведения».

«С одной стороны, история империи возникает как проекция, вызванная распадом многонациональных государств, существенно корректируя квазинациональную оптику предшествующей историографии, которая редуцировала историю империи к истории национального государства (доминантной нации). С другой стороны, имперский исторический опыт отвергается, дискредитируется, дезинтегрируется или апроприируется набирающими силу национальными историческими нарративами. Империя, таким образом, служит *точкой отсчета* в “политической истории” новых национальных государств, противоположным (а в оценочном плане и негативным) *идеальным типом*, противопоставленным нации и национальному государству» [9].

В фокусе *новой имперской истории* — «не целостность социальных групп или хронологических периодов (нация, территория, конфессия, гендер, средневековье), а ситуация *неустойчивого равновесия композитного общества и асинхронность исторического развития*» [10]. Новая имперская история, «изучая общества прошлого — часто архаичные и реакционные... предлагает уникальную возможность увидеть и проанализировать работу *вненациональных или паранациональных* социальных механизмов. Их критический анализ может стать уникальным ресурсом... форм постнационального воображения как предпосылки для более инклюзивного и справедливого общества» [10. С. 10; 11; 40; 50; 64].

«Всякая попытка определить империю в “объективных терминах” — как систему стратификации, политику, основанную на силе, или систему эксплуатации — в конечном итоге не достигает цели, так как неспособна вобрать в себя наиболее важный компонент имперской ситуации — *восприятие*... Империи и государства отличаются друг от друга не наличием эксплуатации и даже не применением насилия, но разницей в восприятии политики и практик как “своих” или как “чужих”» [40. С. 16; 12; 13]. Следует «обратить внимание не на онтологическую фундаментальность и структуралистскую симметричность оппозиции “друг–враг”, а на то, кем или чем определяются и как функционируют понятия “друзья” и “враги” в имперской ситуации (“друг” может оказаться одновременно “врагом” либо сами эти категории теряют содержательную специфику и оценочную составляющую)... Вместо иллюзорной структурной статики нас интересует историческая динамика имперского социально-политического, культурного и экономического опыта, выражающегося в дискурсивных (и не только) приближениях и отталкиваниях тех или иных групп, сообществ и государств» [13. С. 10]. «Исследователи перешли от фактического и структур-

ного анализа к исследованию механизмов устойчивости империи, которые основывались не только на *физическом принуждении*, но и на сформированном *проимперском общественном мнении*» [64. С. 26] и общественной памяти (в трактовке М. Хольбвакса) [14; 47. С. 85–88], а также на «отказе от детерминизма и телеологизма ортодоксальной теории модернизации» в пользу «адекватного восприятия пространственного компонента *имперского хронотопа*, его многомерности и нелинейности» [15. С. 8–9; 63]. *Компаративная история империй* [77] изучает, как менялось соотношение источников власти, и какие выходили на первый план в разные периоды истории и в разных регионах одной империи. Однако «“имперский компаратив” не может рассматриваться как универсальный метод создания аналитической модели империи: прямому сравнению поддается лишь то, что было присуще вообще всем социально-политическим организациям эпохи, а уникальный внутренний мир империи остается вещью в себе, ибо не был сформулирован рационально» [16].

«Не следует тешить себя иллюзией о возможности создания некой “универсальной” *объяснительной модели* империи в период модернизации и национализма... более целесообразно сочетание различных подходов при исследовании взаимодействия имперских властей и местных сообществ» [61. С. 377], поскольку империя — *гетерогенное пространство и механизм производства разнопорядковых различий* [6; 17; 18; 51; 53; 60].

Империя — «особое пространство для *биографических и психологических реконструкций*»: «вопрос “что такое империя” заменяется вопросом о том, как она выражает себя на политическом, социальном и прочих уровнях (есть ли у империи специфический “язык” самоописания) и как переживается и осмысливается современниками (что такое жизнь в империи для конкретного человека или групп)... Для историка вполне естественно попытаться найти *агента*, который позволяет связывать воедино стремительно распадающуюся на взаимно неперебиваемые языки ткань имперского общества... Гетерогенность империи и многогранность индивидуального опыта в ней создают условия для достаточно осознанного конструирования *идентичности*. В этом смысле империя оказывается средой, стимулирующей формирование современного типа личности, для которой характерны саморефлексия и социальный конструктивизм. Безусловно, империя в равной мере ограничивает этот конструктивизм... В этом кроется основная коллизия “*имперской биографии*”» [19. С. 12–13; 20; 21; 22].

Для «*имперской ситуации*» характерно: наличие разнородных исторических субъектов, отношения между которыми не приводят к гомогенизации политического, социального и культурного пространства; взаимоналожение разнотипных исторических субъектов, в языках самоописания которых содержатся маркеры архаичной и современной идентичности (архаика модернизируется, а языковая общность и национальная территория историзируются

ся); отсутствие доминантного и непротиворечивого самоописания империи, укорененной в эпистемологии когнитивной рамки самоописания [23; 49]. Империя выступает и как система умолчаний, которая позволяет согласовать имперскую ситуацию с *нормативным языком современности*: имперский центр эпистемологически претендует на разработку универсальной системы категорий, которые придают смысл имперскому пространству через утверждение или снятие различий [79. С. 57]. Причем важно понимать и то, как имперская ситуация воспринимается *«изнутри»* (обывателями, политиками и обществоведами) [24; 27; 52].

Основные аспекты существования империи в современном мире: *«имперская репутация»*, или современные культурные коды и медиумы передачи и распространения имперского опыта в массовой культуре и обществе; *имперская риторика* и воспроизводящийся в ней ценностный традиционализм в оценке империй; наконец, *империя как категория обнажения контекста*. Последняя трактовка однозначно превращает проблему имперской исключительности в исследовательскую ситуацию, поскольку видит в *«исключительности»* один из языков имперского самоописания, подлежащий научной деконструкции... Дискурс *«исключительности»*, как и практики исключения и включения в имперское общество, становятся для исследователя языками идентификации империи и рационализации имперской ситуации» [24. С. 12–13].

Соответственно, можно сформировать следующий вполне устойчивый *«имперский глоссарий»*: имперское строительство, имперский порядок, имперская идеология, имперское сознание, имперский дискурс, имперское наследие, имперский опыт; модернизирующие и традиционалистские империи, или домодерные (древние/архаичные) (формализованная политическая структура, основаны на завоеваниях, нет могущественных соперников в лице суверенных государств и национализма) и современные (основаны на неформальном колониальном господстве, коммерческих связях и современной технологии, совместимы и даже взаимосвязаны с идеей суверенного национального государства) [26. С. 24]; геополитическая проекция — заморские (колониальные) империи (технологическое и культурное превосходство над периферией благодаря политической революции и буржуазному обществу) и континентальные (территориально-протяженные) (более пористые границы, менее четкие отличия между центром и периферией, полиэтнический состав и дифференцированное гражданство, недемократическая форма правления и национальные движения); имперская/господствующая/объединенная метрополия и имперский проект; имперские исследования, (новая) имперская история, имперская историография, имперская парадигма; имперская риторика, имперское воображение (стимул политического творчества) [78]; империостроительство (процесс становления и развития империи); имперская революция [43; 73; 76].

«Кейсы» как основной метод имперской истории, например, «вместо того, чтобы считать Советский Союз “последней империей”, это государственное образование следует рассматривать как одно из самых первых проявлений *новой формы империи*... — отрицающей свою имперскую сущность и использующей самые основы системы современного национального государства — принципы государственного суверенитета и национального самоопределения — в качестве инструментов не основанного на консенсусе контроля над полиэтническим населением... “Последних империй” не существует... Политика империи остается одним из ключевых направлений, вокруг которых идет борьба внутри современной государственной системы, ее изменение или сохранение... Большинство государств, которые сегодня называют империями, на самом деле представляют собой “*постимперии*”... возникли после распада империй, не заявляют о себе как об империи и не претендуют на наследие империй-предшественниц (хотя зачастую внутри этих обществ существуют силы, имеющие подобные притязания)... Этот переход от чисто структуралистского, “трансисторического” представления к *новому пониманию*, согласно которому империя — это обязательно и идентичность, и претензии на имперский статус, и обвинения в империализме, вполне соответствует тенденциям, наметившимся в изучении проблематики нации и национализма... Империя не только политический ярлык... но и результат... социальный факт, а не просто категория политической практики» [3. С. 73–75]. Однако следует помнить о проблематичности дифференциации имперского и постимперского (иногда используется конструкция «*новоимперского*»), поскольку «что называть “империей” и что считать ее преодолением лишь отчасти зависит от исторических фактов и обстоятельств» [54. С. 17–18]. «Существует целый ряд *постимперских государств*, возникших на основе бывших имперских центров (Австрия, Германия, Швеция, Португалия, Бельгия или Япония), которые сегодня редко причисляют к империям... Частный случай постимперского государства — постсоветская Россия («клеймо империи» во внутренней и внешней политике; обвинения в имперских амбициях; позитивный дискурс империи как выражение тоски по порядку в имперском «простом» мироустройстве); проимперский националистический дискурс» [3. С. 75, 82].

Таким образом, определение империи требует опоры на принципы лингвистического и когнитивного поворотов и реализации полидисциплинарного критического анализа в условиях «нынешнего спроса на универсальное определение империи как со стороны социальных наук с их обобщающим подходом, так и со стороны глобализированного общественного мнения» [26; 62; 68]. Этот спрос порождает трактовки империи как «универсальной и семантически избыточной метакатегории» — обозначения государственной формы для контроля обширного пространства и управления различиями или исторической предтечи современных структур гегемонии, неравенства

и конфликта, а также фокус на структуралистских (историческая структура политических, социальных и культурных различий), эссенциалистских («реализм империй» и идиома имперского архаизма) и функционалистских (негативные и позитивные оценки «имперского проклятия» или «имперского предназначения») интерпретациях империи. Однако более исследовательски продуктивным видится отказ от таких трактовок и от концепции империи как идеального типа, противоположного национальному государству, в пользу понимания империи как критической (в логике дискурсивных исследований), аналитической и «контекстообразующей» категории для объяснения прошлого и настоящего.

Соответственно, исследовательский фокус смещается с «теории империи» или типологизации империй на «динамическую модель конструирования и маркирования имперского опыта». Аналитическая работа с понятием империи требует дистанцирования от гранд-нарративов национальных историй и монологичных версий прошлого, а также остранения (отказа от самореферентных и бинарно-оппозиционных описаний) в пользу контекстуально сложных моделей и гибридных множественных субъектностей (дискурсы, социальные практики, группы и т.д.). Такая работа не «выводит историческую мораль, ее задача — обращать внимание на многомерность исторического процесса», но ее результаты «предполагают критическое восприятие любого социального порядка и его саморепрезентации... показывают, как порядок возникает “из хаоса” (в терминологии И. Пригожина)... из несовершенного общественного устройства и неполного знания, а вовсе не в результате телеологического развития, высшего замысла или тайного заговора» [28; 57].

Библиографический список

1. Академический словарь теории и истории империй. СПб., 2012.
2. Андреев А.Л., Андреев И.А. Российский путь: горизонты будущего в контексте противостояния цивилизаций // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 4.
3. Бейссингер М. Переосмысление империи после распада Советского Союза // *Ab Imperio*. 2005. № 3.
4. Белоконев С.Ю., Иванов В.Г., Левина Е.В. Византийское наследие в современной Турции: особенности изучения и политическое значение // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 1.
5. Беляева Л.А. Цивилизационная идентичность населения в современной России: поиск исследовательских инструментов // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 4.
6. Бурбанк Дж., Купер Ф. Траектории империи // *Ab Imperio*. 2007. № 4.
7. Владимиров А. Этюд девятнадцатый. Россия как новая Империя. URL: http://www.kadet.ru/lichno/vlad_v/etd3.htm.
8. Гаджиев К.С. Империя. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/2006464.
9. Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А. К новой политической истории империи // *Ab Imperio*. 2002. № 2.
10. Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А. Центральность периферии // *Ab Imperio*. 2002. № 2.

11. Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А. Империя как «заявка», нация как «резолуция»? Языки описания общности и различия в мультикультурной среде // *Ab Imperio*. 2005. № 3.
12. Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А. Политика языка и политика смыслов // *Ab Imperio*. 2005. № 2.
13. Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А. Друзья и враги в имперском контексте // *Ab Imperio*. 2010. № 1.
14. Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А. Есть ли у империи «память»? Приглашение к дискуссии // *Ab Imperio*. 2004. № 1.
15. Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А. Парадоксы имперской модерности // *Ab Imperio*. 2002. № 4.
16. Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А. Языки самоописания империи и нации как исследовательская проблема и политическая дилемма // *Ab Imperio*. 2005. № 1.
17. Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А. Размышления историков о перспективах лингвистического и антропологического поворотов в изучении империи и национализма // *Ab Imperio*. 2006. № 1.
18. Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А. Империя-садовод и «процесс цивилизации» // *Ab Imperio*. 2008. № 3.
19. Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А. Homo Imperii: поворот к биографии // *Ab Imperio*. 2009. № 1.
20. Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А. От редакции // *Ab Imperio*. 2009. № 2.
21. Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А. От редакции // *Ab Imperio*. 2009. № 3.
22. Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А. Имперское общество как продукт воображения Homo imperii // *Ab Imperio*. 2009. № 4.
23. Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А. Ситуация «пост». После империи: назад, к этносу? Вперед, к нации? // *Ab Imperio*. 2005. № 4.
24. Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А. Существуют ли «точки сборки»? // *Ab Imperio*. 2014. № 1.
25. Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А. Многообразие инаковости в XX веке // *Ab Imperio*. 2011. № 1.
26. Герасимов И., Глебов С., Кусбер Я., Семенов А. Новая имперская история и вызовы империи // *Ab Imperio*. 2010. № 1.
27. Герасимов И., Глебов С., Кусбер Я., Семенов А. От редакции // *Ab Imperio*. 2014. № 2.
28. Герасимов И., Могильнер М. Что такое «новая имперская история», откуда она взялась и к чему она идет? Беседа с редакторами журнала «Ab Imperio» // *Логос*. 2007. № 1.
29. Грибовский В.М. Возникновение империи и существо императорской власти // Грибовский В.М. Государственное устройство и управление Российской Империи (из лекций по русскому государственному и административному праву). Одесса, 1912.
30. Железняков А.С., Чулуунбаатар Г. Россия и Монголия в цивилизационной и геополитической парадигмах развития Центральной Евразии // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2023. Т. 23. № 3.
31. Иванов А.В., Попков Ю.В. Типология цивилизаций в диахроническом измерении: базовые модели и перспективы России // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2022. Т. 22. № 2.
32. Игумен Митрофан (Шкурин). Империя как цивилизационный вызов и смысл исторического процесса // *Церковь и время*. 2012. № 58.
33. Империя. URL: <http://ponjatija.ru/taxonomy/term/25>.
34. Империя. URL: <https://dic.academic.ru/searchall.php?SWord=%D0%B8%D0%BC%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B8%D1%8F&stype=0&btype=1&p=0>.

35. Империя. URL: <https://ozhegov.textologia.ru/definit/imperiya/?q=742&n=174149>.
36. Кантор М. Империя или республика. URL: <https://story.ru/istorii-znamenitostej/istoriya-tsivilizatsii/imperiya-ili-respublika>.
37. Курабаев Н.С., Гнатик Е.Н., Жубрин И.А. О связи социального и гносеологического аспектов цивилизационного подхода // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 2.
38. Коровин В. Является ли Россия империей. URL: <https://vz.ru/opinions/2019/5/22/978787.html>.
39. Левинсон А. Невеликая империя? Об имперскости в применении к современной России // Россия в глобальной политике. 2011. № 3.
40. Ливен Д. Империя, история и современный порядок // Ab Imperio. 2005. № 1. С
41. Лурье С. Феномен империи: культурологический подход. URL: <https://geftr.ru/archive/7040>.
42. Любжин А. Что такое империя? // Россия в глобальной политике. 2004. № 5.
43. Магун А.В. Империялизация. Империя и современный мир // Политические исследования. 2007. № 2.
44. Малофеев К. Мы — Империя, царство царств, государство, объединяющее государство. URL: https://zavtra.ru/blogs/mi_imperiya.
45. Мединский В. К 300-летию Российской империи. URL: <https://histrf.ru/read/articles/k-300-letiyu-rossiyskoj-imperii-2>.
46. Миллер А. Какие бывают империи и как их строительство сочеталось со строительством наций. URL: <https://www.dk.ru/news/237182386>.
47. Нарский И. В «империи» и в «нации» помнит человек: Память как социальный феномен // Ab Imperio. 2004. № 1.
48. Никольский С.А. После империи. URL: https://www.ng.ru/ideas/2013-10-09/10_empire.html.
49. От редакции: Как узнать новую историю и чего от нее ждать? Исторический курс «Новая имперская история Северной Евразии» // Ab Imperio. 2014. № 1.
50. От редакции: На пути к постнациональной истории Евразии: деконструкция империи и денационализация группности // Ab Imperio. 2023. № 1.
51. От редакции: От национализирующей империи к постколониальной нации // Ab Imperio. 2020. № 3.
52. От редакции: Проживая имперскую ситуацию вне империи // Ab Imperio. 2016. № 2.
53. От редакции: Формы и практики воображения постимперского порядка: гибридность как новая субъектность // Ab Imperio. 2016. № 4.
54. От редакции: Что значит пост — в «постимперском»? // Ab Imperio. 2020. № 1.
55. Платформа 24: Восстановление единого научного поля постнациональных и постимперских исследований. URL: <https://sites.google.com/view/openabimperio/platform24rus>.
56. Пути империй: беседа Владимира Рудакова с Домиником Ливеном // Историк. 2021. № 81.
57. Рогожников М. Империи без императоров, императоры без империй: беседа с А. Семеновым // Эксперт. 2019. № 5.
58. Саид Э. Ориентализм. М., 2023.
59. Саид Э.В. Культура и империализм. СПб., 2012.
60. Семенов А. Империя как движущаяся мишень // Ab Imperio. 2008. № 2.
61. Смоленчук А. Прощание с имперским нарративом? // Ab Imperio. 2008. № 4.
62. Сораль А. Понять Империю: Грядущее глобальное управление или восстание наций? М., 2017.
63. Стоулер Э. Имперские диспозиции игнорирования // Ab Imperio. 2009. № 2.
64. Суни Р. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // Ab Imperio. 2001. № 1–2.
65. Ткачев С.В. Империя и колониализм в современном мире // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 2.
66. Финли М. Империя в греко-римском мире. URL: <https://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1343709408>.

67. Хантингтон С.П. Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка. М., 2001.
68. Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004.
69. Хирш Ф. Империя наций. Этнографическое знание и формирование Советского Союза. М., 2022.
70. Холмогоров Е. Выбор Империи // Эпоха. 2001. № 11.
71. Чижо Э., Меньшиков В., Кокаревича А., Селиванова-Федорова Н. Концентрация имущества и «имущественный средний класс» в современной европейско-американской цивилизации // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 4.
72. Шишков В.В. Империя как понятие и концепт современной политической науки: проблемы интерпретации // Политические исследования. 2018. № 4.
73. Adelman J. The Russian revolution and global empires, or global revolution and the Russian Empire? // *Ab Imperio*. 2017. № 2.
74. Allen K. Weber: Sociologist of the Empire. Pluto Press, 2017
75. Empire. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/empire>.
76. Gerasimov I. The great imperial revolution // *Ab Imperio*. 2017. № 2.
77. Metcalf Th.R. Afterword: All colonialisms may be different, but in the end all are the same // *Ab Imperio*. 2012. № 3.
78. Metcalf Th.R. From one empire to another: The influence of the British Raj on American colonialism in the Philippines // *Ab Imperio*. 2012. № 3.
79. Stoler A.L., McGranahan C. Refiguring imperial terrains // *Ab Imperio*. 2002. № 2.
80. Trotsuk I. Too many Webers for small sociology; or, how critically sociologists should consider their canon // *Russian Sociological Review*. 2019. Vol. 18. No. 2.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3-801-815

EDN: UYHYFM

In search of empire: Approaches to defining the concept in contemporary scientific discourse*

I.V. Trotsuk

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

Higher School of Economics,
Myasnitckaya St., 20, Moscow, 101000, Russia

(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru)

Abstract. The concept of empire seems quite transparent: from our school days, we learn to perceive the historical past through the chronological succession and life cycles of empires. In everyday interpretations, empire is something vast, powerful and wealthy

---

*© I.V. Trotsuk, 2026

The article was submitted on 10.06.2026. The article was accepted on 25.08.2026.

in every sense of the word, which explains numerous metaphorical references to “empire” in marketing; dictionary definitions also lack precision [8; 33; 35; 75]. Given the growing popularity of extremely broad historical-political concepts (like interdisciplinary interest in “civilization” [2; 5; 30; 31; 37; 71]), it is necessary to clarify the main interpretations of “empire”, especially since it is not an alien concept to sociology [4; 74; 80]. While admitting the well-known challenges of defining empire [66], the author tries to structure this amorphous conceptual field by suggesting several possible ways: first, identifying “typological syndromes” in search results for “definition of empire” — four broad and overlapping interpretations (historical-philological, historical-(geo)political, critical-cultural, and philosophical-katechontic). Second, conducting quantitative content analysis of dictionary definitions of “empire” based on the search results from the Academic dictionary portal — five most frequent interpretations (figurative meaning; part of the names of historical states; substantive definitions with attributes of empire as a specific form of state organization; monarchical or imperial rule; and a common noun). Third, a study of expert discourse — qualitative content analysis of articles in the *Ab Imperio*, which specializes in the development of methodologies for studying empires, — conceptual foundations and key categories of contemporary “empire studies” (e.g., new imperial history, imperial experience, imperial rhetoric, imperial chronotope, imperial biography, imperial situation, post-empire). Thus, there is a conflict between two conditional approaches — universalist-objectifying and discursive-contextual, but the general research focus has shifted from attempts to construct grand theories or typologies to the analysis of imperial experience within a critical examination of any social order and its self-representations.

Key words: empire; everyday interpretations and scientific discourse; imperial experience; imperial past; imperial rhetoric; imperial policy; imperial perception; quantitative and qualitative content analysis; new imperial history

For citation: Trotsuk I.V. In search of empire: Approaches to defining the concept in contemporary scientific discourse. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (3): 801–815. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-801-815> EDN: UYHYFM